

УДК 343.103

DOI 10.36511/2078-5356-2020-1-129-134

Лапатников Максим Владимирович
Maksim V. Lapatnikov

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), associate professor, associate professor of the criminal procedure department

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: maks4@mail.ru

Институт публичного обвинения в уголовном процессе России: к вопросу о постановке проблемы

Institute of public prosecution in the criminal process of Russia: on the problem statement

Статья посвящена обоснованию проблемности действующего института публичного обвинения в отечественном уголовном судопроизводстве. Утверждается, что данный институт не соответствует обозначенному в Конституции РФ, УПК РФ и других нормативных актах вектору состязательности и нуждается в обстоятельном научном анализе.

Ключевые слова: публичное обвинение, состязательность, правовое государство.

The article is devoted to the substantiation of the problem of the existing institution of public prosecution in the domestic criminal proceedings. It is argued that this institution does not correspond to the vector of competitiveness indicated in the Constitution of the Russian Federation, the CPC of the Russian Federation and other normative acts and needs a thorough scientific analysis.

Keywords: public accusation, competitiveness, rule of law.

Принятие в 2001 году первого Уголовно-процессуального кодекса России, по мнению многих специалистов, знаменовало переход от одного типа уголовного судопроизводства (разыскного, «смешанного») к другому — состязательному [1, с. 32]. Однако промежуточный итог действия УПК РФ 2001 года таков: задача по переходу уголовного процесса нашей страны на стандарты правового государства не достигнута. Как отмечает А.С. Александров: «Существующая уголовно-процессуальная модель — это полусоветская, переходная, смешанная модель. Перехода к новому состязательному типу уголовного судопроизводства не произошло. Более того, можно констатировать снижение эффективности нашего уголовного процесса из-за непоследовательной правовой политики, проводившейся в годы после принятия Кодекса» [2].

Нельзя сказать, что кризисные явления в отечественном уголовном судопроизводстве не осознаются в высших эшелонах власти. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин признал, что «Россия не стала до конца правовым демократическим государством, поскольку до сих пор звучат призывы «жить по правде, а не по закону»» [3]. 6 декабря 2016 года на IX Всероссийском съезде судей президент В.В. Путин в своем выступлении обозначил повышение доверия к отечественной судебной системе как одну из важнейших задач [4].

Кризисное состояние отечественной уголовной юстиции объективно ставит перед обществом и властью вопрос о том, на каком фундаменте будут осуществляться грядущие преобразования, а именно — нуждается ли отечественный уголовный процесс, в том чис-

© Лапатников М.В., 2020

ле один из его ключевых столпов — институт обвинения, в дальнейшем углублении составительных начал либо необходимо ограничиться исправлением отдельных недостатков, преимущественно организационного характера, без отказа от его фундамента — следственной технологии привлечения к уголовной ответственности.

Наша позиция здесь отталкивается от следующей посылки: несмотря на все недостатки состязательности, состязательная модель по-прежнему должна оставаться в качестве ориентира предстоящих реформ. Следственная, в нашем случае, по сути, несоветская модель, практически себя исчерпала, свидетельством чего служат многочисленные изменения и в конце концов десистематизация позитивного права, те зигзаги и повороты, которые демонстрирует отечественная уголовная политика. Эта конструкция, будучи детищем тоталитарного строя, в настоящее время стала тормозом на пути построения эффективного рыночного общества. Тем самым путь дальнейшего развития демократии, движение к реализации идеи правового государства по-прежнему остается на повестке дня. Не так давно президент В.В. Путин вновь отметил, что «...Россия развивается по демократическому пути. Это — безусловно, и в этом не должно быть ни у кого никаких сомнений» [5].

Несомненно, дальнейшая имплементация состязательной модели в уголовное судопроизводство предполагает путь преобразований, путь реформ, зачастую болезненных, нередко требующих значительных усилий, но нельзя забывать, что он опирается на закрепленные в основополагающих нормативных актах международно-правового (ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г.) и федерального уровней (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ) максимумы, предполагающие переход к состязательному правосудию — правосудию правового государства. В противном случае наша страна рискует так и остаться так называемым «двойным государством», где в законах прописаны одни правила «игры», а в реальности действуют их противоположности. Иначе следует ставить вопрос об изменении Конституции и иных нижестоящих нормативных актов в контексте отказа от провозглашения состязательной формы отечественного правосудия.

Курс на углубление состязательности требует принципиально новых подходов к ключевым уголовно-процессуальным институтам. Одним из таких институтов является институт обвине-

ния, играющий основополагающую роль в механизме уголовного преследования.

Если поступление соответствующей информации на стадии возбуждения уголовного дела можно сравнить с запалом, который запускает уголовно-процессуальную реакцию государства на потенциальное общественно опасное деяние, то обвинение — это «топливо», которое питает уголовное преследование, «горючее», которое позволяет двигать уголовное дело к логическому концу — решению основного вопроса уголовного процесса о виновности/невиновности лица по инкриминируемому преступному деянию. Именно посредством предъявления обвинения обвинительная власть ставит перед властью судебной основной вопрос уголовного процесса. Правосудие же, вершимое судом, можно квалифицировать как ответ суда на вопрос субъектов уголовного преследования о доказанности/недоказанности обвинения.

Именно на этом этапе появляется центральная фигура в уголовном процессе — обвиняемый. Появление этого участника запускает полноценный механизм привлечения к уголовной ответственности. Предполагается, что до этого момента это лицо либо вообще не привлекалось к уголовной ответственности (в процессуальном смысле) либо его статус носил предположительный характер, связанный с недостаточностью доказательств для утверждения о том, что это лицо совершило конкретные действия (бездействия) и по какой норме уголовного закона следует их квалифицировать. Не случайно в процессуальной доктрине статус подозреваемого связывается с недостаточностью собранных по делу доказательств [6, с. 20—21], то есть с предположением, а не уверенностью, выражающейся в оформленном в установленном законом порядке утверждении (обвинительном тезисе) со стороны публичных органов уголовного преследования.

Традиционно советская доктрина отождествляла предъявление обвинения с привлечением к уголовной ответственности [7, с. 30], либо рассматривала его как начальный этап привлечения к уголовной ответственности [8, с. 15; 9, с. 11]. Несмотря на то что вторая позиция несколько смягчала радикальность первой, разница между ними носила технический характер. Общий же посыл был один — уголовная ответственность реализуется единой следственно-судебной властью, в которой суд выступал лишь последним проверочным звеном в механизме наказания преступника. Механизм обвинения в советское время за

определенным исключением был в целом одинаков: одностороннее решение следственных органов о предъявлении обвинения, принимаемое в условиях отсутствия равенства сторон и независимого арбитра. Именно следственные органы как настоящие хозяева процесса решали, когда и в отношении кого инициировать процедуру обвинения, то есть осуществляли дискреционное властное усмотрение по привлечению лица к уголовной ответственности. В условиях доминирования следственного формата предъявление лицу обвинения в подавляющем большинстве случаев означает автоматическое признание его виновным. В следственном процессе, где суд выступает не как орган правосудия, разрешающий правовой спор на основе предоставленных сторонами доказательств, а как одно из звеньев механизма применения уголовной репрессии, обвинение на 98-99% равно осуждению. Если же при рассмотрении дела в суде возникали «сложности», то к услугам судьи, не желающего оправдывать лицо и «подставлять» правоохранительную систему, всегда был механизм возвращения уголовного дела на дополнительное расследование.

Естественно, что в данном механизме оправдательный приговор воспринимался как брак в работе правоохранительных органов, к числу которых относили и суд. Для нейтрализации оправдания и был в том числе предусмотрен институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование, который почти в полном виде не так давно «восстал из пепла» [10]. Этот институт выступал судебным механизмом содействия органам предварительного расследования по исправлению ошибок, выполнения пробелов в результатах их деятельности и был предназначен не для установления истины по делу через состязательное судебное доказывание, а скорее для недопущения рассмотрения в суде некачественно расследованных уголовных дел и избегания ответственности лиц, совершивших, по мнению следственных органов, преступления.

Принятый в 2001 году УПК РФ установил две модели предъявления обвинения:

1) следственно-прокурорское (смешанное) обвинение, предполагающее право органов предварительного следствия выдвигать обвинение на досудебных этапах процесса, обретающее статус запроса перед судебной властью только после согласия с ним прокурора;

2) прокурорское обвинение — утверждение о совершении конкретным лицом преступного

деяния, осуществляемое одновременно с направлением уголовного дела в суд после утверждения прокурором итогового документа предварительного расследования.

Первая модель применяется по уголовным делам, расследуемым в форме предварительного следствия, вторая — в форме дознания. Обе модели практически в готовом виде были заимствованы законодателем из УПК РСФСР 1960 года и, по сути, как и советское время, являются центральной частью следственной технологии привлечения к уголовной ответственности. Лицо в одностороннем порядке, зачастую задолго до окончания досудебного производства по делу (при расследовании в форме следствия), ставится в статус обвиняемого, что, с одной стороны, позволяет применять к нему полный комплекс мер процессуального принуждения, а с другой — ограничивает его возможности по реализации права на защиту в силу процессуального доминирования обвинительной власти. Как указывается в литературе, когда «предъявление обвинения на предварительном следствии, с которым связывают привлечение к уголовной ответственности лица по действующему УПК РСФСР, происходит помимо суда — это есть следственная (инквизиционная) организация уголовного преследования» [11, с. 9].

Итак, полагаем, что бессмысленно говорить о переходе отечественного уголовного судопроизводства на состязательные рельсы без внимания к его ключевому институту — институту обвинения. Постановка вопроса о пересмотре организации уголовного преследования неизбежно приводит нас к обвинению. Сохранение следственной «начинки» порядка предъявления обвинения при проведении институциональной реформы уголовного судопроизводства рискует стать препятствием, способным похоронить идею демократических преобразований. Новому (состязательному на деле, а не на словах) правовому механизму применения уголовного закона должна соответствовать надлежащая организация формирования и предъявления обвинения. Как утверждает Б.Я. Гаврилов: «институт привлечения лица в качестве обвиняемого, сохраняющий свою юридическую сущность без изменения на протяжении более 80 лет, не согласуется с современной системой досудебного производства» [12].

В этой связи следует отметить те тенденции, которые проявились в последние годы на постсоветском пространстве. Законодательства ряда стран ближнего зарубежья (Грузия, Молдавия, Казахстан) демонстрируют отход от

Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств — участников СНГ и обращаются к состязательным стандартам правосудия, принятым в странах Западной Европы и США. Реорганизации в данном контексте подвергаются многие институты уголовно-процессуального права, в том числе и порядок предъявления обвинения. Так, совсем недавно наш сосед и член Евразийского экономического союза — Кыргызская Республика, со вступлением в силу нового Уголовно-процессуального кодекса, отказалась от следственного обвинения, распространив прокурорский порядок предъявления обвинения на все формы досудебного производства (ч. 1 ст. 46 УПК Кыргызской Республики).

Все вышесказанное убедительно, на наш взгляд, демонстрирует необходимость разработки на концептуальном уровне нового порядка организации предъявления обвинения в отечественном уголовном процессе. В этой связи наш тезис таков: потребность перехода отечественного уголовного судопроизводства на состязательный формат обуславливает необходимость новой концепции формирования и предъявления обвинения.

Более дифференцированно актуализированность тематики нашего исследования может быть обозначена на следующих уровнях:

- теоретическом (доктринальном);
- прикладном;
- нормативном.

На **теоретическом уровне** потребность в разработке новых подходов к обозначенной проблематике обуславливается необходимостью нового взгляда на вопросы понимания категории обвинения, ее генезиса, места и роли обвинения в типологии уголовного судопроизводства. Прояснения в контексте состязательных стандартов требует вопрос о соотношении понятий «привлечение в качестве обвиняемого» и «привлечение к уголовной ответственности». Наконец, прежде всего именно на теоретическом уровне должна быть сформулирована концепция правовой организации формирования и предъявления обвинения. Последняя предполагает критический анализ позиций уголовно-процессуальной доктрины относительно сущности, места, роли и процедуры предъявления обвинения. Постулаты советской теории, рассматривающей обвинение как односторонний акт по постановке лица в соответствующий статус, должны быть пересмотрены как не соответствующие идеологии правового государства. В последнее время несоветские постулаты получили «второе рождение» в лице теорети-

ческих потуг ряда специалистов, отстаивающих суверенное право некой следственной власти применять уголовный закон [13], призывающих к возвращению объективной истины как цели всех участников процесса (в т. ч. и суда).

Обоснование актуальности исследования на **нормативном уровне** подразумевает наличие потребности в формировании нормативного механизма института предъявления обвинения на базисе состязательной модели привлечения к уголовной ответственности. Эта модель предполагает доминирование судебной формы установления фактов по делу, для чего необходимо предложить законодателю новую процедуру наделения лица соответствующим статусом с вынесением ее за пределы досудебного производства. Обвинение должно выступать как итог (точнее, одним из таковых) предварительного расследования. Позволение законодателя предъявить обвинение на любом этапе предварительного следствия мы рассматриваем как проявление следственной идеологии, однозначно указывающей на определяющую роль следственного компонента в механизме применения уголовного закона. Действующий нормативный подход к определению сущности обвинения мы определяем как утверждение обвинительной власти перед собой о совершении преступления конкретным лицом, выдвигаемое на любом этапе предварительного следствия.

Требования же закона относительно доказанности обвинения (ч. 1 ст. 271 УПК РФ) мы квалифицируем как «фиговый листок», прикрывающий одностороннее властное усмотрение обвинительной власти по привлечению лица к уголовной ответственности, что недопустимо при построении правового государства, в котором независимая судебная власть обеспечивает верховенство закона в жизни общества.

Прикладной уровень проявляется в несоответствии потребностям правоприменительной практики действующего механизма предъявления обвинения. Данный механизм есть проявление следственной технологии привлечения к уголовной ответственности, где «судебно-следственная власть государства, единая и неделимая, проводит доказывание сквозь все стадии процесса к единой цели — объективной истине. При таком заинтересованном совместном расследовании обстоятельств дела естественно предположить, что суд и следователь выступают союзниками в разрешении вопросов, возникающих относительно допустимости и доказательств, полученных предварительным расследованием (обвинительных доказа-

тельств), принципиальной оценки от суда трудно ожидать» [14, с. 257].

Если мы принимаем за «точку отсчета» правовую порядок (в смысле верховенства права), то очевидно, что неосоветский механизм уголовной репрессии не состыкуется с идеологией правового государства. В состязательном процессе, независимо от того, к какой разновидности он относится (континентальной или англосаксонской), обвинение есть тезис (версия) обвинительной власти о причастности определенного лица к совершению преступления и постановка перед судом вопроса о привлечении его в связи с этим к уголовной ответственности. Суд как независимого арбитра эта версия ничем не обязывает, кроме как рассмотреть дело по существу либо в условиях предоставления сторонам равных возможностей по отстаиванию ими своих утверждений в общем порядке либо применить процедуры упрощенного рассмотрения дела, но при добровольном согласии сторон.

В связи с вышеизложенным видится потребность отечественной науки и практики в исследовании на концептуальном уровне вопросов формирования, предъявления и исследования обвинения на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Примечания

1. Петрухин И.Л. От инквизиции — к состязательности // Государство и право. 2003. № 7.
2. Александров А.С. Избранное из выступления на парламентских слушаниях в СФ ФС по случаю 15-летия УПК РФ. URL: <http://www.iuaj.net/node/2143> (дата обращения: 16.10.2019).
3. Зорькин: Россия пока не стала правовым государством. URL: <https://ria.ru/20160517/1434951796.html> (дата обращения: 16.10.2019).
4. Владимир Путин. Выступление на Всероссийском съезде судей 6 декабря 2016 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения: 16.10.2019).
5. Путин: Россия развивается демократическим путем. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/06/05/n_10135391.shtml (дата обращения: 16.07.2019).
6. Карнеева Л.М. Процессуальное положение подозреваемого в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 12.
7. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974.
8. Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М.: Юрид. лит., 1971.

9. Дуюинский А.Я., Сербулов В.А. Привлечение в качестве обвиняемого: учебное пособие. Киев: НИиРИО Киевской высшей школы МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1989.

10. О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ // Российская газета. 2014. 25 июля.

11. Александров А.С., Гуцев В.Е. Субсидиарный уголовный иск. Н. Новгород, 1999.

12. Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения: современное состояние и пути развития. URL: <http://www.iuaj.net/node/438> (дата обращения: 16.07.2019).

13. Цветков Ю.А. Суверенная национальная модель следственной власти: миф или реальность? URL: <http://www.iuaj.net/node/1936> (дата обращения: 16.07.2019).

14. Терехин В.В. Стандарт допустимости судебных доказательств в состязательном уголовном процессе: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2014.

References

1. Petrukhin I.L. From the Inquisition — to competition. State and law, 2003, no. 7. (In Russ.)
2. Alexandrov A.S. Selected from the speech at the parliamentary hearings in the SF FS on the occasion of the 15th anniversary of the criminal procedure code. URL: <http://www.iuaj.net/node/2143> (accessed 16.10.2019). (In Russ.)
3. Zorkin: Russia has not yet become a legal state. URL: <https://ria.ru/20160517/1434951796.html> (accessed 16.10.2019). (In Russ.)
4. Vladimir Putin. Speech at the all-Russian Congress of judges on December 6, 2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53419> (accessed 16.10.2019). (In Russ.)
5. Putin: Russia is developing democratically. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/06/05/n_10135391.shtml (accessed 16.07.2019). (In Russ.)
6. Karneeva L.M. Procedural position of the suspect in connection with the draft code of criminal procedure of the USSR. *Socialist legality*, 1954, no. 12. (In Russ.)
7. Karpushin M.P., Kurlyandsky V.I. Criminal liability and the composition of the crime. Moscow, 1974. (In Russ.)
8. Karneeva L.M. Criminal prosecution. Legality and validity. Moscow: Yurid. lit. Publ., 1971. (In Russ.)
9. Dulinski A.Ya., Serbulov V.A. Attraction as accused: a training manual. Kiev: Kyiv higher school of MIA of the USSR F.E. Dzerzhinsky, 1989. (In Russ.)
10. On amendments to articles 236 and 237 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: fe-

deral law of 21.07.2014 no. 269-FZ. *Rossiyskaya gazeta*, 2014, July 25. (In Russ.)

11. Alexandrov A.S., Gusev V.E. Vicarious criminal proceedings. Nizhny Novgorod, 1999. (In Russ.)

12. Gavrilov B.Ya. Institute of indictment: current state and ways of development. URL: <http://www.iaaj.net/node/438> (accessed 16.07.2019). (In Russ.)

13. Tsvetkov Yu.A. Sovereign national model of investigative power: myth or reality? URL: <http://www.iaaj.net/node/1936> (accessed 16.07.2019). (In Russ.)

14. Terekhin V.V. Standard of admissibility of judicial evidence in adversarial criminal proceedings: monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod law Academy, 2014. (In Russ.)